

РЕЦЕНЗИЯ
на выпускную квалификационную работу обучающегося СПбГУ
АЛИЕВОЙ Камиллы Абдуллаевны
по теме «Средства выражения видовых значений в древнеуйгурском языке»

Рецензируемая работа посвящена такой важной и сложной теме, как выражение аспектуальных значений в древнеуйгурском языке. Важной потому, что она проливает свет на устройство семантической зоны аспекта, описание которой существенно для анализа грамматической системы языка. Сложной потому, что аспектологическая проблематика относится к числу самых актуальных и бурно развивающихся областей общего языкознания, представленных широким диапазоном различных подходов и точек зрения, носящих подчас взаимоисключающий характер. Безусловной заслугой автора является применение к анализу древнетюркского материала понятий и терминов, взятых из современных направлений общелингвистической аспектологии, что выгодно отличает рецензируемую работу от других исследований данного жанра, ориентированных преимущественно на традиционные для тюркологии аналитические модели (см., напр. [Дубровина 2011]). В этом отношении было бы более последовательным вместо термина «видовые значения» в названии и основном тексте работы употреблять термин «аспектуальные значения», более точно отражающий специфику объекта исследования. В современной общей лингвистике термин «вид» употребляется преимущественно для характеристика аспекта в славянских языках, имеющих типологически нетривиальные особенности в устройстве аспектуальной системы (подробнее см. [Плунгян 2011: 407–416; 2012: 14–26]). По справедливому замечанию автора, «Вид в традиционном понимании, как словоизменительная категория, в древнеуйгурском языке вряд ли может быть выделен» (с. 34). Поэтому отказ от использования терминов «вид» и «видовой» в пользу более широких и типологически универсальных терминов «аспект» и «аспектуальный» кажется целесообразным и продиктованным внутренней логикой работы. Также мне представляется слишком громоздким и неудобным использованный в работе термин «акционсартовое значение» (напр., с. 34, 36, 38), вместо которого лучше использовать более современный термин «акциональное значение» (ср. [Татевосов 2005: 121–127]). Сами термины «способ глагольного действия» или «Aktionsart» (с. 32) в современной лингвистической типологии считаются устаревшими и заменяются на термин «акциональность» (см., напр. [Татевосов 2005; Аркадьев 2009; Плунгян 2011: 379]), на материале тюркских языков использованный еще в известной монографии Д. М. Насилова [1989].

Рецензируемая работа состоит из Предисловия, Введения, двух глав, Заключения, списка сокращений, списка источников и списка использованной литературы. Такая структура работы полностью обоснована задачами исследования. Представляет интерес описание жанровых и содержательных особенностей основного источника исследования — уйгурской

версии «Биографии Сюань-цзана», которое приводится во Введении. На мой взгляд, этот раздел текста также можно было бы дополнить характеристикой самой рукописи и истории появления ее фрагментов в европейских рукописных хранилищах, носящей запутанный и поистине детективный характер. Читатель наверняка был бы весьма заинтригован, узнав, что фрагменты «Биографии Сюань-цзана» из берлинской, парижской и петербургской коллекций принадлежат одной и той же рукописи, предположительно обнаруженной в Турфане, затем привезенной в Урумчи и в период около 1930 г. по частям и, по-видимому, втайне от китайского правительства проданной германским, французским, советским и китайским исследователям и любителям древностей (см. [Barat 2000: iii–v; Ölmez, Röhrborn 2001: 1–5]). Упомянутая в работе датировка рукописи XI в. (с. 3) в настоящее время оспаривается на основании фактологически выверенной датировки времени жизни переводчика этого текста *Şiňko Şäli Tutuŋ* периодом до 1000 г. (см. [Barat 2000: xi–xiv], ср. также с. 14).

Первая глава «Теоретические основы исследования» (с. 16–38) занимает наибольший объем в композиционной структуре работы. Можно долго дискутировать о том, нужно ли включать в работу, посвященную конкретной и четко очерченной теме, изложение общих лингвистических понятий «от Адама», в том числе таких базовых терминов, как «язык» и «речь», «фонема», «морфема», «высказывание», «залог» и т. п. С моей точки зрения, было бы более уместным ограничиться характеристикой основной аспектологической терминологии, которая приводится в данной главе на с. 32–38. Вместе с тем, похвальны стремление автора давать четкие определения лингвистическим терминам и потребность в теоретическом переосмыслении основополагающих понятий, способные найти достойное выражение в кандидатской диссертации, которая, я надеюсь, станет закономерным итогом исследований К. А. Алиевой. Одни теоретические инновации, используемые автором работы, выглядят очень привлекательно, например, идея об отсутствии действительного залога в тюркских языках (с. 24–25) или спорность выделения условного наклонения (с. 29). Другие, напротив, вызывают определенные сомнения. Так, например, автор опирается на следующую систему словоизменительных категорий в тюркских языках: 1) залог, 2) статус, 3) наклонение, 4) инфинитные формы, 5) глагольная сказуемость (с. 22). При взгляде на эту систему прежде всего бросается в глаза отсутствие единого основания для классификации: залог, статус и наклонение представляют собой семантические категории, инфинитные формы образуют морфологическую категорию, тогда как глагольная сказуемость — это чисто синтаксическая категория. Непонятно, почему в этой классификации отсутствует такая традиционно выделяемая и универсальная для языков мира категория, как время/аспект/модальность/эвиденциальность (TAME).

Особенно серьезные возражения у меня относятся к категории «статуса», которая обсуждается на с. 25–26. Согласно использованному в работе определению, под статусом понимается «совокупность языковых средств, посредством которых выражаются значения форм возможности, невозможности и отрицания». Во-первых, данная трактовка термина «статус» расходится с его общелингвистическим употреблением, где он обозначает характерные для афразийских языков типы синтаксического подчинения одного имени другим (см. [Языкознание 1998: 492; Плуноян 2011: 203]). Во-вторых, в тюркологии уже имеется альтернативное понимание «статуса», при котором он выражает, «дошла ли информация, которую говорящий/пишущий сообщает адресату, до его (говорящего) сознания прямо или косвенно» (whether the information which the speaker / writer supplies to the addressee reached his (the speaker's) consciousness directly or indirectly) [Erdal 2004: 272]. В этом употреблении «статус» выступает устаревшим синонимом более современного и привычного термина «эвиденциальность». В-третьих, представляются сомнительными логические и/или семантические основания для объединения в одну категорию форм глагольного отрицания и форм возможности/невозможности совершения действия, которые, например, в грамматике А. Н. Кононова рассматриваются отдельно [Кононов 1980: 171–173], а в грамматике В. Г. Кондратьева разбиваются на три разных «аспекта» — отрицательный, возможности и невозможности (Кондратьев 1970: 26). При этом в других грамматиках и работах общего характера — на мой взгляд, совершенно справедливо — только глагольное отрицание выделяется в особую категорию, тогда как возможность/невозможность совершения действия рассматривается как граммема, выражаемая модальной аналитической конструкцией, т. е. синтаксически [Tekin 1968: 120, 210; Gabain 1974: §§ 158, 211, 249; Шервашидзе 1986: 47–49; Erdal 2004: 229–230, 258–259]. В-четвертых, обращает на себя внимание явная структурная разнородность «показателей категории статуса» и их вхождение в разные синтагматические классы: форма глагольного отрицания *-mA-* представляет собой аффиксальную морфему, употребляющуюся в составе словоформы после основы или залогового показателя, а форма возможности/невозможности совершения действия представлена целой синтаксической конструкцией *-U u(ma)-*, образованной сочетанием двух самостоятельных словоформ. Кроме того, суффикс *-mA-* встречается в составе формы невозможности совершения действия, т. е. один «показатель категории статуса» оказывается вложенным в другой.

Не могу в полной мере согласиться с утверждением о том, что в тюркских языках «присоединение морфов происходит таким образом, что границы между ними внутри словоформы четко прослеживаются» (с. 22). Это далеко не отражает ситуацию, существующую в современных тюркских языках, где в силу различных фонетических и морфонологических процессов исконная прототюркская структура слова часто претерпевает серьезные измене-

ния, в частности связанные с фузией и морфонологическим переразложением корня и аффиксов. Однако и для древнетюркского данное утверждение не имеет обязательной силы вследствие морфонологически обусловленных процессов синкопирования гласных и упрощения консонантных кластеров (о них см. [Erdal 2004: 2.405]). В результате мы встречаем такие словоформы, как *könülüg* < *könül+lüg*, *korku* < *kork-gu*, *kiçikä tägi* < *kiçig-kä täg+i*, *yarlika-* < *yarlig+ka-* и пр. [Ibid.: 112]. Глоссировать такие словоформы довольно сложно; приходится прибегать к нотации, предусматривающей кумулятивное выражение нескольких разных граммем одной сегментной цепочкой, напр., *könülüg* ‘сердце.ADJ’ вместо более регулярного *könül+lüg* ‘сердце-ADJ’.

Автор придерживается точки зрения, согласно которой первичным и основным значением формы *-mlš* в древнетюркском языке было перфектное значение, тогда как «неочевидность, субъективность и внезапность умозаключения являются смыслами, исходящими от общего значения перфекта» (с. 28). Насколько можно судить, эта точка зрения впервые была высказана В. Г. Кондратьевым [1970: 33], однако большинство других исследователей считают первичным для этой формы значение эвиденциальности (заглазности, неочевидности, индирективности), указывающее на косвенный/инферентивный характер получения говорящим информации о данной ситуации (см., напр., [Tekin 1968: 192–193; Ахметов 1978: 73–75; Кононов 1980: 188–189; Шервашидзе 1986: 63–65; Erdal 2004: 273]). На мой взгляд, имеющиеся данные подтверждают скорее вторую (эвиденциальную) интерпретацию исходного значения формы *-mlš*, но этот вопрос безусловно требует более глубокого и тщательного анализа конкретного языкового материала.

Во второй главе рецензируемой работы представлены конкретные результаты проведенного автором исследования способов выражения аспектуальных значений в языке уйгурской версии «Биографии Сюань-цзана». Сразу отмечу, что данная глава представляет наибольший интерес, многие сделанные в ней выводы являются нетривиальными и вносят существенный вклад в понимание аспектуальной системы древнеуйгурского языка, в целом виде еще никем ранее не описанной. Некоторые аналитические конструкции с аспектуальным значением выделены автором впервые; таковы формы *-U käd-* (КОМПЛЕТИВ, с. 41–42), *-(X)p elt-* (см. ниже) и *-(X)p olur-* (см. ниже). Значение других определено точнее по сравнению с имеющимися тюркологическими публикациями. Так, например, автор обнаруживает на древнеуйгурском материале конструкцию *-U bar-* (ПРОГРЕССИВ, с. 39–40), вопреки мнению М. Эрдала о том, что в древнеуйгурском она не использовалась [Erdal 2004: 253]. Прогрессивная интерпретация данной формы лучше соответствует языковым фактам, нежели трактовка И. Н. Шервашидзе [1986: 46] и М. Эрдала [Erdal 2004: 247], согласно которой она скорее выражала значение ИНГРЕССИВА/ИНЦЕПТИВА (‘начало действия’/‘to gradually get more

intense’). Высказывание К. А. Алиевой о том, что форма *-(X)p bar-* выражает значение ПУНКТИВА (с. 47), на мой взгляд, представляет собой очень глубокое, блестящее замечание, которое позволяет точно охарактеризовать грамматическое значение этой формы, судя по приведенным автором и М. Эрдалом примерам, способной обозначать как начальную, так и конечную стадию ситуации. Этим точка зрения автора выгодно отличается от весьма расплывчатой характеристики данной формы у М. Эрдала [Erdal 2004: 254].

В то же время следует отметить, что в ряде случаев предложенные в работе интерпретации грамматических значений некоторых древнеуйгурских аналитических конструкций не вполне соответствуют языковому материалу и нуждаются в уточнении или пересмотре. К примеру, автор предполагает у формы *-U käl-* значение РЕЗУЛЬТАТИВА (с. 43), однако этой интерпретации противоречат приведенные на с. 42 два первых примера ее употребления, в которых фигурируют неопределенные глаголы *yedär-* ‘следовать, сопровождать’ и *uĉ-* ‘летать’, тогда как РЕЗУЛЬТАТИВ возможен только у глаголов, обозначающих предельные процессы [Плунгян 2011: 388]. Согласно И. Н. Шервашидзе [1986: 47], эта конструкция выражает «направленность действия», по мнению А. Н. Кононова [1980: 199] — «завершенность действия с оттенком внезапности». М. Эрдал характеризует ее как “indicating that the action described by the lexical verb has been going on for some time before reaching the state it is at when being narrated” [Erdal 2004: 253]. Возможно, эту конструкцию следует интерпретировать не как чисто аспектуальную, а как фазовую, выражающую значение ТЕРМИНАТИВА (конца ситуации), которое можно передать как ‘заканчивать делать что-л.’ (см. [Плунгян 2011: 417]), однако этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. (Кстати говоря, редкая глагольная основа *yedär-*, отсутствующая в ДТС, в примере на с. 43 переводится как ‘хватать (быть в достаточном количестве)’, однако этот перевод неточен. Аналитическая конструкция *yedärü kel-* соответствует *суйчжу* 随逐 ‘следовать за кем-л., чем-л.’ в китайском оригинале «Биографии» [Aydemir 2010: 407]. Эта основа употребляется в Нт также в составе другой аналитической конструкции *yedärü bar-*, соответствующей кит. *суйцун* 随从 ‘сопровождать, следовать за кем-л., чем-л.’ [Ölmez, Röhrborn 2001: 147]. Значение ‘хватать, быть достаточным’, приведенное в [Тугушева 1991: 388] на основании одного-единственного примера — такого же, как и у автора рецензируемой работы — по-видимому, является ошибочным, и для этой основы следует постулировать одно значение ‘следовать, сопровождать’, отмеченное Й. Вилькенсом [Wilkens 2007: 442b] и Х. Айдемиром [Aydemir 2010: 407–408]. Соответственно, выражение *ot suv yedärü kelip* в Нт V 65 можно перевести как ‘прекратив следовать за водой и травой’, если принять для *-U käl-* терминативную интерпретацию.)

Аналитическая форма *-U tur-* рассматривается в работе как средство выражения граммы РЕЗУЛЬТАТИВА (с. 43). Однако в единственном примере, который иллюстрирует упот-

ребление этой конструкции, выражение *kilu turdī* переводится как ‘продолжал совершать’. Данный перевод вполне согласуется с точкой зрения М. Эрдала, который считал, что указанная конструкция выражала значение ДУРАТИВА [Erdal 2004: 250 – 251]. Также к средствам выражения ДУРАТИВА (а не ПРОГРЕССИВА, как считает автор) более оправданно относить конструкции *-U tut-* (с. 44) и *-(X)p olur-* (с. 48), так как прогрессив выражает значение только «динамической» (качественно неоднородной) длительности, в отличие от дуратива, маркирующего срединную фазу ситуаций любого типа (см. [Плунгян 2011: 394]). Аналитическую форму *-U tükät-* автор относит к средствам выражения РЕЗУЛЬТАТИВА, но в то же время пишет о том, что на первый план в ее семантике выходит смысл законченности действия (с. 45). Однако это скорее семантическая зона КОМПЛЕТИВА, выражающего достижение финала предельного процесса [Плунгян 2011: 396]; комплетивное значение у этой конструкции усматривает и М. Эрдал [Erdal 2004: 256]. Относительно значения формы *-(X)p elt-* автор делает справедливое и важное замечание, что оно «может быть истолковано одновременно как комплетив, и как результатив» (с. 48). С нашей точки зрения, это может свидетельствовать о том, что данная форма реализует значение ПЕРФЕКТИВА, который как раз является родовой категорией по отношению к комплетиву и результативу (см. [Аркадьев 2007]). По мнению К. А. Алиевой, аналитическая форма *-(X)p kal-* «сообщает о переходе предмета, совершающего действие в определенное состояние и пребывание в нем» (с. 49), но при этом трактует ее как носителя значения ПРОГРЕССИВА. Даже судя по предложенному переводу диагностического примера (‘...[он] обжег свое тело’, а не ‘обжигал’), мы имеем дело с формой, маркирующей результирующую стадию некоей ситуации, т. е. с РЕЗУЛЬТАТИВОМ. Ср. характеристику М. Эрдала, по которой *-(X)p kal-* “is used... to express that the action described is the end stage of a process” [Erdal 2004: 253]. Аналитическая конструкция (автор, следуя тюркологической традиции, именуется «перифрастической») *-mİš bol-* в работе причисляется к средствам выражения РЕЗУЛЬТАТИВА. Однако из примеров, приведенных автором и М. Эрдалом [Erdal 2004: 271–272], скорее вытекает перфектная интерпретация этой конструкции. Форма *-mİš* в древнеуйгурских памятниках (в отличие от языка рунических надписей) сама по себе могла выражать как перфектное, так и эвиденциальное значение, и для маркирования именно граммы ПЕРФЕКТА могла использоваться аналитическая конструкция с вспомогательным глаголом *bol-*. М. Эрдал также считал, что “*-mİš bolti* was found to express a present perfect while *-mİš bolur* and *-mİš bolgay* give future perfect meaning” [Erdal 2004: 272]. Следует отметить, что грамматически выраженный перфект в языках мира «чаще всего выражается... аналитическими конструкциями со вспомогательными глаголами ‘быть’ и/или ‘иметь’ и причастиями» [Плунгян 2011: 389], что подтверждает предложенную нами интерпретацию.

Наконец — и это довольно существенно — некоторые из рассматриваемых в работе аналитических конструкций, на наш взгляд, едва ли вообще могут быть отнесены к носителям аспектуальных значений. Прежде всего, это конструкции, представляющие собой сочетание причастия (или, используя идиосинкретичный термин петербургских тюркологов, САФа) с вспомогательным глаголом *bol-*, которые обсуждаются на с. 49–52. Таких конструкций три: *-mİš bol-*, *-dAĉI bol-* и *-mAz bol-*, из них только первая может с полным основанием рассматриваться как аспектуальная (см. выше). Полисемичная форма *-dAĉI* в сочетании с вспомогательным глаголом *bol-* сужала свое значение и скорее всего использовалась только для маркирования у субъекта действия способности к совершению действия. Что касается конструкции *-mAz bol-*, здесь глагол *bol-* употребляется в своем лексическом значении ‘становиться’ для образования составного именного сказуемого с отрицательной формой причастия не прошедшего времени (напр., *körünmáz bolti* ‘стал невидимым’, *b(ä)lgü tutmaz bolur* ‘становятся неразличимыми’, букв. ‘не (со)держащими признак’). Не могут считаться аспектуальными конструкции с глаголами социально ориентированной (векторной) семантики *-U yarlıka-* (с. 40–41) и *-A tägin-* (с. 43), отражающие экстралингвистические знания говорящего о социальной структуре и статусной иерархии. Также особняком стоит конструкция *-U uma-*, относящаяся к семантической зоне модальности, а не аспекта (с. 45–46).

Обобщая сказанное, предлагаю пересмотренную интерпретацию семантики аналитических конструкций, которые обсуждаются в работе. Материал сведен нами в две таблицы: первая содержит конструкции с аспектуальными значениями, вторая охватывает формы неаспектуальной семантики.

Таб. 1. Аспектуальные конструкции

Форма	Аспектуальная граммема
	ПЕРВИЧНЫЙ (ЛИНЕЙНЫЙ) АСПЕКТ (= выражение фрагмента описываемой ситуации)
<i>-U bar-</i>	ПРОГРЕССИВ
<i>-U yorİ-</i>	
<i>-U tur-</i>	ДУРАТИВ
<i>-U tut-</i>	
<i>-(X)p olur-</i>	
<i>-(X)p bar-</i>	ПУНКТИВ
<i>-(X)p kal-</i>	РЕЗУЛЬТАТИВ
<i>-(X)p tur-</i>	
<i>-mİš bol-</i>	ПЕРФЕКТ
	ВТОРИЧНЫЙ АСПЕКТ (= оформление перехода глагольных лексем в другой акциональный класс)
<i>-(X)p elt-</i>	ПЕРФЕКТИВ
<i>-U käd-</i>	КОМПЛЕТИВ
<i>-U tükät-</i>	
	ФАЗОВОСТЬ (= выражение факта существования/несуществования описываемой)

	<i>ситуации по отношению к более раннему моменту времени</i>
<i>-U käl-</i>	ТЕРМИНАТИВ [?]

Таб. 2. Конструкции с неаспектуальными значениями

Форма	Значение
<i>-dAčI bol-</i>	МОДАЛЬНОСТЬ ('способность совершить действие')
<i>-U uma-</i>	МОДАЛЬНОСТЬ ('невозможность совершить действие')
<i>-mAz bol-</i>	СКАЗУЕМОСТЬ (оформление составного именного сказуемого)
<i>-U yarlika-</i>	СОЦИАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ДЕЙСТВИЯ (действие направлено от вышестоящего к нижестоящему)
<i>-A tägin-</i>	СОЦИАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ДЕЙСТВИЯ (пейоративность (уничижительность) в отношении субъекта действия)

В первой таблице обращает на себя внимание вариативность способов выражения одних и тех же аспектуальных граммем, в частности дуратива (3 конструкции), прогрессива (2 конструкции), результатива (2 конструкции) и комплетива (2 конструкции). Дальнейшим направлением исследований могло бы стать уточнение семантики этих аналитических конструкций и поиск дополнительных дифференциальных признаков, по которым различались способы выражения каждой из перечисленных граммем. Также бросаются в глаза очевидные пробелы в выявленной системе аспектуальных значений: так, в сфере первичного аспекта мы имеем два показателя результатива, но ни одной формы со значением проспектива, в сфере вторичного аспекта следовало бы ожидать наличие специальных форм не только для перфектива и комплетива, но и для инцептива, а также, возможно, хабитуалиса и мультипликатива, а в семантической зоне фазовости при (гипотетическом) наличии терминатива можно было бы попытаться выявить показатели инхоатива, континуатива и, вероятно, кунктатива. Вполне возможно, что какие-то из этих граммем выражались другими, не отмеченными в работе конструкциями с аспектуальными значениями, например, упоминаемыми у М. Эрдала формами *-U är-*, *-U alk-*, *-U id-*, *-(X)p är-*, *-(X)p alk-*, *-gAll alk-*, *-gAll tur-*, *-gAll kal-*, *-gAll är-*, *-mlš tur-*, *-Ar bol-*, *-(X)gčI bol-*, *-mlš är-* [Erdal 2004: 248–257, 268–270]. Решение этих задач, конечно, следует отложить на будущее, но весьма отрадно, что рецензируемая работа закладывает надежный фундамент для исследований такого рода.

Подчеркнем, что сделанные нами замечания ни в коей мере не отрицают достоинств работы К. А. Алиевой и не ставят под сомнение актуальность, новизну и достоверность сделанных в ней выводов. Рад отметить, что мы имеем дело с качественным и интересным исследованием, которое заслуживает высокой оценки и в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к выпускным квалификационным работам.

Библиография

- Аркадьев 2007 — *Аркадьев П. М.* Заметки к типологии перфектива // Ареальное и генетическое в структуре славянских языков: Материалы круглого стола / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: «Пробел-2000», 2007. С. 17–30.
- Аркадьев 2009 — *Аркадьев П. М.* Глагольная акциональность // Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка / Отв. ред. Я. Г. Тестелец. М., РГГУ, 2009. С. 201–261.
- Ахметов 1978 — *Ахметов М. А.* Глагол в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978.
- Дубровина 2011 — *Дубровина М. Э.* Категория аспектуальности языка древнетюркских рунических памятников // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб: Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 141–158.
- Кондратьев 1970 — *Кондратьев В. Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970.
- Кононов 1980 — *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980.
- Насилов 1989 — *Насилов Д. М.* Проблемы тюркской аспектуальности. Акциональность. М.: Наука, 1989.
- Плунгян 2011 — *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Татевосов 2005 — *Татевосов С. Г.* Акциональность: типология и теория // Вопр. языкознания. 2005. № 1. С. 108–141.
- Тугушева 1991 — *Тугушева Л. Ю.* Уйгурская версия биографии Сюань-цзана (фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР). М.: Наука, 1991.
- Шервашидзе 1986 — *Шервашидзе И. Н.* Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. Тбилиси: Мецниереба, 1986.
- Языкознание 1998 — Большой энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
- Aydemir 2010 — *Aydemir H.* Die alttürkische Xuanzang-Biographie IX: Nach der Handschrift von Paris, Peking und St. Petersburg sowie nach dem Transkript von Annemarie v. Gabain herausgegeben, übersetzt und kommentiert: PhD Dissertation. Göttingen: S. n., 2010.
- Barat 2000 — *Barat K.* The Uygur-Turkic Biography of the Seventh-Century Chinese Buddhist Pilgrim Xuanzang: Ninth and Tenth Chapters. Bloomington IN: Indiana University, Re-

search Center for Inner Asian Studies, 2000. (Indiana University Uralic and Altaic Series; Vol. 166.)

Erdal 2004 — *Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden & Boston: Brill, 2004. (Handbook of Oriental studies. Sect. 8: Central Asia 3.)

Gabain 1974 — *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. 3. Aufl. Wiesbaden: Harrassowitz, 1974. (Porta Linguarum Orientalium. Neue Serie; 15.)

Ölmez, Röhrborn 2001 — *Ölmez M., Röhrborn K.* Die alttürkische Xuanzang-Biographie III: Nach der Handschrift von Paris, Peking und St. Petersburg sowie nach dem Transkript von Annemarie v. Gabain herausgegeben, übersetzt und kommentiert. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica; Bd. 34/7.)

Tekin 1968 — *Tekin T.* A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington IN: Indiana University & The Hague: Mouton, 1968. (Indiana University Uralic and Altaic Series; Vol. 69.)

Wilkins 2007 — *Wilkins J.* Das Buch von der Sündentilgung: Edition des alttürkisch-buddhistischen Kšanti Kılğuluk Nom Bitig. T. 2. Turhhout: Brepols, 2007. (Berliner Turfantexte; 25/2.)

« 2 » ИЮНЯ 2018 г.

Подпись

РЫКИН П. О.
ФИО